

А.В. Радионова

ЭТИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ В ЛИРИЧЕСКОМ СТИХОТВОРЕНИИ

Статья посвящена анализу особенностей поэтических текстов с этическим лиро-философским метатекстом. Рассматриваются разновидности этических лирических ситуаций – определительных и ситуаций-credo, их тематические и концептуальные парадигмы. Выявлены их общие и специфические черты, приемы, остраивающие этическую позицию субъекта. Определены виды лирической ситуации-credo и их разновидности. Обнаружены случаи, когда и сама внешняя форма ситуации-credo может быть использована как прием остраивания других тем.

Ключевые слова: поэзия; этический лиро-философский метатекст; лирическая ситуация-credo.

Поэтическая система обычно складывается на основе определенных этических взглядов. Этот фактор в ряду других формирует мировоззренческий аспект поэзии. Декларация нравственных постулатов является закономерной традицией русской лирики [1]. В работе мы рассмотрим исторически сложившиеся особенности поэтики стихотворений с этическим лиро-философским метатекстом ряда русских поэтов. Традиции этической лирики, развиваясь в творчестве Г.Р. Державина, А.С. Пушкина, Ф.Н. Глинки, В.Г. Бенедиктова, Ф.И. Тютчева, А.Н. Майкова, продолжают и в XX в. Стихотворения с этической тематикой есть в поэзии А. Блока, Н. Гумилева, Ю. Балтрушайтиса, Б. Слуцкого, Д. Самойлова, В. Берестова, Ю. Друниной, И. Эренбурга, И. Бродского, Б. Окуджавы, В. Высоцкого. Стихотворения этих авторов стали материалом исследования.

Не создавая какой-то стройной философской системы, поэты все же раскрывают философские вопросы и проблемы в своем творчестве. Тексты с этической тематикой входят в систему лиро-философского метатекста русской поэзии наряду с текстами онтологической, эстетической, социальной тематики. Чаще всего метатекст понимается как «текст о тексте» или «текст в тексте». Мы предлагаем рассматривать лиро-философский метатекст как сверткостекстовое образование, в котором поэты в поэтической форме изучают вопросы бытия, человеческих ценностей, искусства. В этих текстах поэзия, которая сама есть бытие, говорит о бытии, поэтическое сознание – о сознании и поэтическое искусство – об искусстве. При этом обнаруживается смысловое единообразие в выборе разными авторами текстовых элементов и структур в стихотворениях с онтологическими, этическими и эстетическими понятиями. Не представляя в своем большинстве специально разработанных философских теорий, поэтические системы отражают определенные философские воззрения прошлого или современных им учений, перекликаются с ними, обнаруживают точки соприкосновения.

Исследовательница философской лирики Р.С. Спивак отмечала, что нельзя называть философской лирикой поэтические высказывания на философские темы, иллюстрации к известным философским доктринам, тексты, раскрывающие «вечные темы» [2]. К философской лирике относятся тексты, в которых «философская тенденция осмысления действительности, т.е. восприятия ее под углом общезначимого, всеобщего,

составляет в лирическом произведении сам предмет художественного изображения и формирует художественную структуру произведения» [2. С. 6–7]. И такие только стихотворения она относила к метажанру «философская лирика». Вслед за исследовательницей мы говорим о разной степени близости поэзии и философии – от тех признаков, что перечислены выше и не являются еще признаками философской лирики, до уже непосредственно философской лирики. Разница между текстами с разной степенью близости к философии в том, все ли стихотворение посвящено изображению «всеобщего, родового, сущностного» [Там же. С. 7] или только его часть, большая (смысловой блок) или малая (тематический комплекс, образ, мотив). Мы приходим к двум выводам. Во-первых, лиро-философский метатекст шире понятия «философская лирика», поскольку включает все точки соприкосновения с философской проблематикой – и в философской лирике, и в других жанровых образованиях. Во-вторых, приемы формальной организации лирического текста, которые актуализируют философский аспект, связаны его с композиционной структурой.

Поскольку лиро-философский метатекст входит в структуру стихотворений как комплекс элементов тематического, мотивного, композиционного уровней, его может представлять текст или фрагмент текста с набором характерных черт, относящихся к разным уровням. На тематическом уровне он включает минимальные темы стихотворения и их комплексы, выраженные лексемами – философскими категориями, понятиями, относящимися к лексико-семантическим полям «экзистенциальное» (бытие, существование, жизнь, смерть и т.п.); «время» (вечность, годы, дни, час, минута, миг и т.п.); «гносеология» (познание, мышление, просвещение, разум, сознание и т.п.) и другие. На мотивном уровне – это мотивы и комплексы мотивов бытийных (некто / нечто был(о), бывает, есть, существует и т.п.); мотивов рефлексии и авторефлексии (я думаю, размышляю, понимаю, вспоминаю, верю и т.п.); мотивов, субъектом которых являются философские категории и понятия, указанные выше. На композиционном уровне, если стихотворение состоит из двух или более смысловых блоков, лиро-философский метатекст формируется в рамках бытийных лирических ситуаций – смысловых блоков, содержащих вышеперечисленные темы и мотивы. При этом в стихотворении возможно сочетание бытийных и событийных или только бытийных лирических ситуаций.

В стихотворениях с этическим лиро-философским метатекстом лирические ситуации содержат темы лексико-семантического поля 'этика' (добро, благо, зло, счастье, страдания и т.п.) и связанные с ними мотивы, а также мотивы самопрезентации ('я верю...', 'я буду...', 'я хочу...', 'я живу...'). Это самые очевидные признаки этической лирической ситуации.

Возникновение «вероизложений» связывают с опытом церкви первых веков. Тогда свод этических правил, лежащих в основе поведения, соответствующего мировоззрению верующего человека, составляли на основе апостольских посланий. Это делалось в особых случаях, при фактах вероотступничества или увеличении его риска. Исповедуя свою веру в четких формулировках, христиане противопоставляли себя, свой образ мышления и образ жизни миру. Это был акт противостояния светскому развращенному и испорченному социальным злом мировоззрению. Образцом можно считать Символ веры, который христиан произносит перед крещением.

Поэзия, ориентированная на философское мышление, наследует эту традицию, но в отличие от религиозного дискурса, в котором этические постулаты категорично утверждают религиозное мировоззрение как единственно правильное, художественная рефлексия допускает многозначность, плюрализм, множественность точек зрения.

В поэтических системах разных авторов можно найти стихотворения, в которых выражено жизненное кредо. Даже критики традиционного субъекти-

вистского понимания лирики (лирики как самовыражения автора) признавали, что она есть художественное выражение душевных переживаний поэта [3]. Следствием этого по природе свойственного лирике субъективизма является то, что, какими бы приемами остранения ни пользовался автор («антикредо», персонификация и т.д.), в этической лирической ситуации всегда выражены в первую очередь его личные нравственные приоритеты. Но они согласуются с определенной философской концепцией, мировоззренческой парадигмой, что создает предпосылки для формирования лиро-философского метатекста.

Этический лиро-философский метатекст включает разнообразные ситуации: рассуждение об этической категории (счастье, совести, добре, зле и т.п.), выбор жизненного пути, поведенческой стратегии, нравственных приоритетов (который может тесно переплетаться с экзистенциальным выбором), презентация этического облика (морально-нравственный портрет субъекта или объекта) и другие ситуации с этической составляющей.

Так, например, рассуждения об этической категории часто представлены в определительных стихотворениях – когда текст определяет заданную в основной теме этическую категорию (Г.Р. Державин «Добродетель», А.С. Пушкин «Дружба», И. Эренбург «Верность», В. Берестов «Добро и зло», Ю. Друнина «Доброта»). Например, у Б. Слуцкого есть стихотворение «Совість» [4. С. 283].

Начинается повесть про совесть.
Это очень старый рассказ.
Временами, едва высываясь,
совесть глухо упрятана в нас.
Погруженная в наши глубины,
контролирует все бытие.
Что-то вроде гемоглобина.

Трудно с ней, нельзя без нее.
Заглушаем ее алкоголем,
тешем, пилим, рубим и колем,
но она на распил, на распыл,
на разлом, на разрыв испытана,
брита, стрижена, бита, пытана,
все равно не утратила пыл.

Основная тема задана в первой строке. Хотя автор заявляет установку на нарративность («повесть про совесть», «рассказ»), тема требует не событийного, а бытийного повествования, раскрывающего общие законы миропорядка. На бытийность ситуации указывает ряд текстовых элементов: этическая категория «совесть», акцент на повторяемости ситуации («старый рассказ»), философская категория («контролирует все бытие»), обобщенное лирическое «мы». То, что «повесть про совесть» – это «старый рассказ», подчеркивает многократность обращений к проблеме совести во всей предшествующей культуре. В стихотворении дана традиционная трактовка совести как морального самоконтроля, наиболее полно раскрытая, но по-разному трактуемая в философских системах И. Канта [5], П.А. Гольбаха [6, 7], Ф. Ницше [8, 9], А. Менгера [10], Э. Фромма [11]. Автор стихотворения не дает отсылок к этим философским системам, но его трактовка этической темы соотносима с ними, что создает предпосылки для формирования лиро-философского метатекста.

В большой группе определительных стихотворений существуют тематические парадигмы. Так, парадигма 'счастье' включает стихотворения А.Н. Майко-

ва «В чем счастье?», И. Анненского «Что счастье?», З. Гиппиус «Счастье», В. Берестова «Определение счастья», И. Сельвинского «Каким бывает счастье», В. Солоухина «Счастье», Б. Слуцкого «Счастье», Н. Асеева «Что такое счастье? Соучастье...» и другие подобные.

Характерные черты определительных этических стихотворений – заголовок, в котором указано основное понятие, определяемое в стихотворении, вопросительные конструкции, перечисления тезисных утверждений. Приемы остранения в таких стихотворениях – аллегория, определяющая этическую категорию (З. Гиппиус «Мудрость»), открытый финал, когда дается неверная, с точки зрения автора, трактовка, но не определена верная (В. Берестов «Определение счастья»).

Но обобщение любой этической темы остается выражением личного авторского морального приоритета, даже когда лирическое «я» заменяется лирическим «мы». Так, в стихотворении Б. Слуцкого «Разные формулы счастья» [4. С. 240] определительная этическая ситуация раскрывается в серии

бытийных вопросов, определяющих понятие
В том ли счастье?
А в чем оно, счастье,
оборачивавшееся отчасти
зауряднейшим пирогом,
если вовсе не в том, а в другом?

Что такое это другое?
Как его трактовать мы должны?
Образ дачного, что ли, покоя?
День Победы после войны?

Вопросы-определения отражают разные мировоззренческие установки, соотносимые с определенными философскими системами: гедонизмом (счастье – пирог), стоицизмом (счастье – покой), трудовой этикой, созвучной в понимании счастья с этикой русских старообрядцев и Г. Сковороды (счастье – труд), христианской этикой (счастье – в покаянии и возвращении к истоку истины), теорией технологического детерминизма (счастье – блага техногенной цивилизации). Заканчиваются вопросы-определения вопросом-постулатом. Последние строки обобщают все предыдущие теории и декларируют выбор автора, основанный на первостепенном принципе гуманизма. По своей сути – это и христианская заповедь, и кантовский императив, объединенные в двойном поэтическом преломлении через отсылку на произведение А.С. Пушкина.

Более подробно рассмотрим ситуации выбора жизненного пути, поведенческой стратегии, нравственных приоритетов. Обращаясь к этической теме, авторы выражали свою личную этическую позицию с помощью разных приемов. Она может быть остранина какими-то общими концепциями в рассмотренных стихотворениях-определениях, но в явной и непосредственной форме выражена в стихотворениях, представляющих лирическую ситуацию-credo. Заметим, что определительные этические ситуации и ситуации-credo могут сочетаться в больших, композиционно сложных стихотворениях (А. Галич «Заклинание добра и зла»).

Если все стихотворение посвящено указанной тематике, можно говорить о стихотворении-credo. Но нередко только одна из композиционных частей стихотворения посвящена указанной тематике, тогда мы говорим, что стихотворение включает в свою композиционную структуру ситуацию-credo. В таких лирических ситуациях можно обнаружить специфические черты, позволяющие выделить их в отдельную группу. Ситуации-credo отличаются тем, что в них особенно явно видна презентация индивидуальных моральных приоритетов, выражена активная позиция субъекта: готовность действовать определенным образом и / или призыв к другим действовать так же.

Самый открытый и прямой способ демонстрации этических предпочтений – дать стихотворению соответствующий заголовок: «Credo» (Н. Гумилев), «Выбор» (Н. Гумилев, Б. Слуцкий), «Верю» (В.Г. Бенедиктов), «Верую» (Ю. Балтрушайтис), «Моральный кодекс» (Б. Слуцкий) и т.п. Иной способ – непосредственно перечислить то, что субъект считает правильным или неправильным в этой жизни. Нередко эти два приема сочетаются («Я не люблю» В. Высоцкого).

«счастье»:

Или та черта, что подводят
под десятилетний трудом?
Или слезы, с которыми входят
после странствий в родимый дом?

Или новой техники чара?
Щедр на это двадцатый век.
Или просто строка из «Анчара» –
«человека человек»?

Надо отметить, что, как и в определительных стихотворениях, в заголовок стихотворения-credo может быть вынесена этическая категория (А.А. Фет «Добро и зло», И. Северянин «Сострадание»).

Исповедание веры имеет онтологический аспект, поскольку в нем человек соглашается с определенным мировоззрением, и этический аспект, поскольку это мировоззрение определяет его поступки. Важно, что исповедание веры отмечает момент выбора. Человек перед другими свидетельствует о том, что им сделан выбор определенного жизненного пути.

Самый главный и определяющий признак credo – декларация этической установки. Стихотворения-credo всегда включают в себя этическую бытийную ситуацию, центральные темы которой – нравственные характеристики человека, человеческого сообщества. Но эти стихотворения различаются в зависимости от того, кто является адресатом нравственных императивных установок.

Коммуникативная организация credo характеризуется либо экстравертностью, либо интровертностью. В некоторых стихотворениях-credo автор обращается к открытой, широкой аудитории, озвучивает моральные принципы, которые должны быть приняты обществом, характеризуются установкой на морализаторство. Это экстравертный подход. Обратный, интровертный подход реализован, когда субъект определяет моральные принципы как бы для себя, подчеркивая, что именно для него они имеют доминирующее значение. Обращенные к себе интровертные credo предполагают наличие лирического «я». Экстравертные credo могут быть безадресные, т.е. обращенными к широкой аудитории, но могут быть адресованы конкретному человеку, иногда выражены в форме диалога. В том, что такие стихотворения часто построены в форме обращений, раскрывается еще один их аспект. С латинского *credo* можно перевести не только как «верю», «доверяю», но и как «вверяю», «поручаю».

Адресованные credo подразделяются на транслирующие убеждения и заимствующие их у адресата. Пример заимствования – в стихотворении Д. Самойлова «Анне Ахматовой»: «Учусь у вас достоинству и трудной / Науке быть всегда самим собой» [12. С. 481]. Встречаются примеры более сложной организации, когда в одном тексте моральные принципы и заимствуются, и транслируются. Так, в стихотворении Д. Самойлова «Оправдание Гамлета» [12. С. 140] Гамлет является и образцом нравственной позиции, и обобщенным образом оппонента:

Врут про Гамлета,
Что он нерешителен.
Он решителен, груб и умен.
Но когда клинок занесен,
Гамлет медлит быть разрушителем
И глядит в перископ времен.

Не помедлив стреляют злодеи
В сердце Лермонтова или Пушкина.
Не помедлив рубит гвардеец,
Образцовый, шикарный воин.
Не помедлив, бьют браконьеры,
Не жалея, что пуля пущена.

Здесь использован прием персонификации кредо, когда литературный персонаж становится олицетворением определенного мировоззрения. Медлительности Гамлета в философии и литературоведении даны самые разные трактовки¹. Д. Самойлов предложил свою: только зло не медлит с расправой, а справедливости необходимо время для утверждения в своей правоте. В стихотворении две лирические ситуации, смысловой слом обозначен изменением коммуникативной направленности. Первая ситуация играет роль экспозиции, она дана в форме бытийного повествования. Преобладание бытийности над событийностью сказывается в том, что персонажи обобщенно типологизированы. Гамлет стал общекультурным символом, он принадлежит вечности («глядит в перископ времен», знает «все, что будет потом. На века»). Гамлет – символ Абсолюта («Ибо знает законы сердец, Ибо знает причины и следствия»). В характеристике действий злодеев, убивающих поэтов, использована форма настоящего времени, что указывает на бытийную повторяемость трагических событий, введен обобщенный образ жестоких браконьеров. Кроме того, на бытийность ситуации указывает оппозиция временных планов «миг – вечность», данная в философском соотношении: вечность представлена тропом «перископ времен» и выражением «на века», слово «миг» употреблено четырежды в одной строфе:

Гамлет медлит.
И этот миг
Удивителен и велик.
Миг молчания, страсти и опыта,
Водопада застывшего миг.
Миг всего, что отринуто, проклято.
И всего, что познал и постиг.

Последняя строфа стихотворения содержит декларацию моральной установки в форме обращения

Ты счастья сулишь мне... Ох, знаю я, да!
Что счастье? – Волненье! Тревога!
Восторги! – бог с ними! Совсем не туда.
Ведет меня жизни дорога.

<...>

В стихотворении субъект определяет свое мировоззрение, согласующееся с философией стоицизма, с ее взглядом на состояние невозмутимости и спокойствия (атараксию) как на высшее благо.

<...>

Бей же, Гамлет! Бей без промашки!
Не жалея загнивших кровей!
Быть – не быть – лепестки ромашки,
Бить так бить! Бей, не робей!
Не от злобы, не от угару,
Не со страху, унявши дрожь, –
Доверяй своему удару,
Даже
Если
Себя
убьешь!

к Гамлету. Она построена на эффекте обманутого ожидания. Сначала – требование возмездия, но в конце введена тема самоуничтожения. Этическое credo – совершить справедливость необходимо любой ценой, даже через самопожертвование – можно понимать двояко. С одной стороны, оно может трактоваться как требование самоочищения от зла в собственном сердце, с другой – если учитывать характеристики Гамлета, сближающие его с Абсолютом, оно близко к христианской идее принесения Богом себя в жертву за грех человека. Это намеренное мерцание смыслов расширяет содержательный план небольшого лирического текста.

Другая форма представления этических приоритетов – credo-диалоги. Мы встречаем стихотворение такого типа у Н. Гумилева – это «Душа и тело», где в диалог вступают субъект, его душа и его тело, каждый участник диалога высказывает свою этическую позицию. Субъект выступает третьей судьей между двумя философскими системами, представляемыми его душой и телом. Душа – бессмертная и нематериальная сущность, предшествующая своему физическому бытию в теле, что близко учению Платона, индуизму. Хотя она исповедует равнодушие к земным наслаждениям и отказ от них, в стихотворении все же дана собственная интерпретация восточных учений, так называемая гумилевская сансара, оканчивающаяся небытием, а не слиянием с вечным Абсолютом [14. С. 175]. Тело же исповедует гедонизм, и смерть для него – плата, соответствующая полученному счастью.

Еще одна форма экстравертной коммуникативной организации credo – обращение к неопределенному адресату. В стихотворении «Не надо» В.Г. Бенедиктова [15. С. 524] субъект отвечает какому-то неназванному оппоненту, предлагающему чуждый субъекту взгляд на жизненные ценности:

Устал я, устал. У судьбы под рукой
Душа моя отдыху рада.
Покоя хочу я; мне нужен покой,
А счастья мне даром не надо!

Один из самых характерных признаков credo – маркирующая мотивная парадигма, которая включает мотивы самопрезентации: 'я верю / знаю – я люблю / не люблю – я делаю выбор'. Стихотворения-credo –

это тексты с ярко выраженной самопрезентацией субъекта. Формы самопрезентации следующие: презентация рациональных установок ('я знаю', 'я верю', 'я понял'); эмоционально-чувственных предпочтений ('я люблю', 'я не люблю'); потребностей ('я хочу', 'я желаю', 'я выбираю'); поведенческой активности ('я делаю нечто').

По тому, какой тематике посвящено стихотворение-credo, оно может быть определено как социальное credo, в котором автор выражает нравственные принципы общественной жизни, личное, в котором автор определяет этические принципы своей жизни, credo поэта, в котором автор декларирует этические установки творческой деятельности.

В социальных credo автор делает акцент на негативных или позитивных явлениях общественной жизни, выражает гражданскую позицию. В. Брюсов противопоставляет гражданственность и гуманизм в современную ему эпоху: «Я действительности нашей не вижу, / Я не знаю нашего века, / Родину я ненавижу, – / Я люблю идеал человека» [16. С. 100].

В стихотворениях-credo нередко поднимаются проблемные вопросы, которые неоднократно обсуждаются и в обществе, и в поэзии. Например, к таким парадигмам относится вопрос о значимости покоя идиллической жизни на лоне природы как главной ценности бытия. Отсюда – воспевание

Да, я знаю, я вам не пара,
Я пришел из иной страны,
И мне нравится не гитара,
А дикарский напев зурны.

Не по залам и по салонам
Темным платьям и пиджакам –
Я читаю стихи драконам,
Водопадам и облакам.

Я люблю – как араб в пустыне
Припадает к воде и пьет,
А не рыцарем на картине,
Что на звезды смотрит и ждет.

Здесь сталкиваются две жизненные позиции – лирического субъекта и его возлюбленной. Каждой точке зрения соответствует свое пространство, характеризующееся разными звуками (гитара / напев зурны), атрибутами (платья, пиджаки / драконы, водопады, облака); своя модель поведения (любить как мучимый жаждой араб в пустыне / как рыцарь на картине); своя смерть (на постели / в дикой щели); свой загробный мир (благочинный рай / рай грешников).

сельской жизни, ее приоритет перед городской, светской. К этой парадигме относится стихотворение Г.Р. Державина «Деревенская жизнь» [17. С. 289]:

Что нужды мне до града?
В деревне я живу;
Мне лент и звезд не надо,
Вельможей не слышу;
О том лишь я стараюсь,
Чтоб счастливо прожить;
Со всеми обнимаюсь
И всех хочу любить.

Эта парадигма связана с идиллическими представлениями о спокойной жизни, которая продолжает свое развитие и в поэзии XX в., например, в творчестве Д. Самойлова: «Я сделал свой выбор. Я выбрал залив, / Тревоги и беды от нас отдалив, / А воды и небо приблизив. / Я сделал свой выбор и вызов» [12. С. 237].

Другая парадигма, обратная предыдущей, – утверждение ценности жизни как круговорота событий, страстей. Отсюда аллегория жизни-пути, путешествия, наполненного событиями, впечатлениями, приключениями, как в лирике Н. Гумилева («Я и Вы» [18. С. 145]):

И умру я не на постели,
При нотариусе и враче,
А в какой-нибудь дикой щели,
Утонувшей в густом плюще,

Чтоб войти не во всем открытый,
Протестантский, прибранный рай,
А туда, где разбойник, мытарь
И блудница крикнут: вставай!

Еще одна парадигма – экзистенциальные этические размышления над ценностью жизни перед лицом смерти. Ее характерный мотив – обращение к черепу или могиле. Примером может служить стихотворение Е.А. Баратынского «Череп» [19. С. 115]. Оно начинается с обращения к черепу в экспозиции, представляющей собой рассуждение о посмертной участи человека, а заканчивается этической декларацией:

О человек! Уверься наконец:
Не для тебя ни мудрость, ни всезнанье!
Нам надобны и страсти и мечты,
В них бытия условие и пища:
Не подчинишь одним законам ты
И света шум и тишину кладбища!
Природных чувств мудрец не заглушит
И от гробов ответа не получит...

Значительна парадигма credo поэта, включающая стихотворения, в которых этические ценности раскрыты в обращении к читателям («Мои читате-

ли» Н. Гумилева), а также многочисленные обращения к поэту, например «Поэту» М. Волошина [20. С. 211]:

2

Остерегайся друзей, ученичества шума и славы.
Ученики развинтят и вывихнут мысли и строфы.
Только противник в борьбе может быть истинным другом.

3

Слава тебя прикует к глыбам твоих же творений.
Солнце мертвых – живым – она намогильный камень.

4

Будь один против всех: молчаливый, тихий и твердый.
Воля утеса ломает развернутый натиск прибоя.
Власть затаенной мечты покрывает смятение множеств.
<...>

7

Верь в человека. Толпы не уважай и не бойся.
В каждом разбойнике чти распятого в безднах Бога.

Автор декларирует ценность изоляции творца от всего, что сопутствует успеху, необходимость одиночества, противостояние вкусам толпы и служение человеку как индивидуальности. Мотивы стихотворения перекликаются с ницшеанским мировоззрением.

Кредо поэта – в стихотворении «Поэту» В. Брюсова [16. С. 447]:

Ты должен быть гордым, как знамя;
Ты должен быть острым, как меч;
Как Данту, подземное пламя
Должно тебе щеки обжечь.
Всего будь холодный свидетель,
На все устремляя свой взор.
Да будет твоя добродетель –
Готовность взойти на костер.

И в этом тексте отражено ницшеанское отношение к поэту как к сверхчеловеку, принадлежащему миру богов и героев, причастному к тайнам бытия, но отрешившемуся от земных страстей, всегда готовому принести в жертву творчеству и свою жизнь.

Декларациям стихотворений-кредо свойственна афористичность. Установка автора выразить наиболее полно этическую составляющую мировоззрения в краткой форме лирического стихотворения приводит к увеличению смысловой емкости фразы. При этом, как правило, задействованы темы, актуальные для большого количества людей, касающиеся общечеловеческих ценностей (порядочности, чести, совести), формирующие определенную мировоззренческую парадигму.

Сотый раз иду на почту
За твоим письмом.
Мне теперь не спится ночью,
Не живется днем.
Верю, верю всем приметам,
Снам и паукам,
Верю лыжам, верю летом
Узким челнокам.
Верю в рев автомобилей,

Этот тип лирических ситуаций можно наблюдать в разных жанрах. Ситуация-credo является составляющей стихотворения, принадлежащего жанру идиллии в случаях, когда декларируется приверженность сельской жизни в оппозиции к ценностям светской жизни. Кредо может быть облечено в форму послания. Стихотворение А.С. Пушкина «К Чаадаеву» [21. С. 346] представляет собой социально-объективированное кредо. Начальное четверостишие является экспозицией, это ситуация – описание существующего положения: «Любви, надежды, тихой славы / Недолго нежил нас обман, / Исчезли юные забавы, / Как сон, как утренний туман»; дальше – оппозиционная ситуация с мотивами ‘мы еще желаем’, ‘мы еще внемлем’, ‘мы еще уповаем’. Поскольку стихотворение, по содержанию выражая кредо, по форме написано как послание, отсутствует прямая Я-позиция, индивидуализация в credo формально выражена обращением к отдельному человеку (*Товарищ, верь...*), субъект делится с товарищем своей личной верой.

С другой стороны, не каждое стихотворение, содержащее мотив ‘я верю’, относится к стихотворениям-credo. Внешне очень похоже на credo стихотворение В.Г. Бенедиктова «Верю» [15. С. 245]: «Верю я и верить буду, / Что от сих до оных мест / Божество разлито всюду / – От былинки вплоть до звезд». Однако онтологическая составляющая не приводит к этической, и в конце стихотворения выясняется, что формой вероисповедания завуалировано признание в чувствах к возлюбленной.

Стихотворение В. Шаламова «Верю» [22. С. 81] также по содержанию стихотворение о любви, но вечная тема представлена в форме credo, а потому звучит по-новому, остренно:

Даже в летнюю погоду
Верю иногда.
Верю я в олени нарты,
В путевой компас
У заиндевелой карты
В безысходный час.
В ямщиков лихих кибиток,
В ездовых собак,
Хладнокровию улиток,

Бурных дизелей,
В голубей почтовых крылья,
В мачты кораблей.
Верю в трубы пароходов,
Верю в поезда,

Лени черепах.
Верю щучьему веленью,
Стынувшей крови,
Верю своему терпенью
И твоей любви.

Ожидающий письма возлюбленной лирический субъект выражает свою веру в обыденные, на первый взгляд, явления жизни. Но все эти явления связаны с письмом: приметы, указывающие на скорое получение письма, множество транспортных средств, которые доставляют почту в дальний северный край; «хладнокровие улиток», «лень черепах» символизируют равнодушие людей, задерживаемых в доставке почты, не осознающих, насколько важна эта почта для адресата. Наконец, если и не все перечисленное станет залогом получения письма, то сыграет роль вера в чудо («Верю щучьему веленью...»). Мы видим, что форма *credo* сама может стать приемом остранения, в данном случае стихотворения о любви.

Итак, этические представления являются одним из мировоззренческих аспектов поэзии. Тема нравственных постулатов традиционна и для русской лирики. Исторически сложились особенности поэтики стихотворений с этическим лиро-философским метатекстом. В лирической ситуации, содержащей нравственные установки, можно обнаружить точки пересечения с одной из существующих философских систем, в ней усилен бытийный аспект: фиксируется внимание на повторяющемся, вечном, универсальном.

Стихотворения с этическим лиро-философским метатекстом можно условно разделить на две группы – определительные стихотворения, раскрывающие суть какой-либо этической категории, и стихотворения с ситуацией-*credo*. Ситуацию-*credo* может представлять все стихотворение или его композиционная часть. Остраняют этическую позицию субъекта обобщения, свойственные лиро-философскому мета-

тексту, перечисления философских концепций, приемы персонификации, аллегории, открытый финал.

Поэтическое *credo* имеет ряд специфических особенностей: декларативный заголовок стихотворения; активная позиция субъекта, выражающаяся в готовности действовать определенным образом и призыве к другим действовать так же; мотивы самопрезентации; прием перечисления нравственных императивов. *Credo* всегда содержит декларацию этической установки – действия, которые субъект считает верными или неверными. Но адресаты моральных требований могут быть разными: либо это открытая, неограниченная аудитория, либо субъект в порядке автокоммуникации предъявляет требования к себе, либо он адресует их конкретной группе людей, конкретному человеку. Встречаются *credo* в форме диалога. Адресованные *credo* подразделяются на транслирующие моральные принципы адресату и заимствующие их у адресата.

Тематические парадигмы определительных стихотворений с этическим лиро-философским метатекстом формируются вокруг основного понятия – этической категории, лежащей в основании парадигмы. Самые крупные тематические парадигмы *credo* – социальное, личное, *credo* поэта. Можно выделить концептуальные парадигмы этического лиро-философского метатекста, в основании которых лежит определенная мировоззренческая система, сложившаяся в философии и поэзии, например гедонистическая, стоицистская, идиллическая, экзистенциальная и т.д. Ситуации-*credo* встречаются в разных жанрах. Но внешняя форма ситуации-*credo* может быть использована как прием остранения других тем, например в любовной лирике.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «В качестве причин нерешительности героя чаще всего называли недостаток воли (А.В. Шлегель, С.Т. Кольридж), непосильность задачи (И.В. Гете, Г.В.Ф. Гегель), неприятие кровной мести (Г. Ульрици) и трудности с осуществлением справедливого суда (К. Вердер), меланхолию (Э.С. Бредли, Э.Э. Столл), «Эдипов комплекс» (З. Фрейд), потребность в христианском искуплении (В. Беньямин)» [13. С. 1047].

ЛИТЕРАТУРА

1. Ян Ен Лан. Эволюция системы нравственных ценностей в лирике А.С. Пушкина : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. СПб., 2006. 192 с.
2. Спивак Р.С. Русская философская лирика: Проблемы типологии жанров. Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1985. 140 с.
3. Соколов А. Художественный образ в лирике Лермонтова // Творчество М.Ю. Лермонтова: 150 лет со дня рождения, 1814–1964. М. : Наука, 1964. С. 172–201.
4. Слуцкий Б.А. Я историю излагаю... Книга стихотворений. М. : Правда, 1990. 480 с.
5. Кант И. Основы метафизики нравственности // Сочинения в 6 т. / под общ. ред. В.Ф. Асмуса, А.В. Гулыги, Т.И. Ойзермана. М. : Мысль, 1965. Т. 4, ч. 1. С. 219–310.
6. Гольбах П.А. О божестве, о доказательствах его существования, о его атрибутах, о способе, каким божество влияет на счастье людей // Избранные произведения : в 2 т. / под общ. ред. Х.Н. Момджяна. М. : Соцэкгиз, 1963. Т. I
7. Гольбах П.А. Естественная политика, или Беседы об истинных принципах управления // Избранные произведения : в 2 т. / под общ. ред. Х.Н. Момджяна. М. : Соцэкгиз, 1963. Т. I. С. 78.
8. Ницше Ф. К генеалогии морали // Сочинения в 2 т. / пер. с нем.; сост., ред. и авт. примеч. К.А. Свасьян. М. : Мысль, 1990. Т. 2. С. 407–555.
9. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // Сочинения в 2 т. / пер. с нем.; сост., ред. и авт. примеч. К.А. Свасьян. М. : Мысль, 1990. Т. 2. С. 238–406.
10. Менгер А. Новое учение о нравственности / пер. с нем. под ред. Ю.Д. Филипова. СПб. : Издание Д.А. Казицына и Ю.Д. Филипова, 1906. 94 с.
11. Фромм Э. Человек для самого себя / пер. с англ. Э. Спировой. М. : АСТ: АСТ МОСКВА, 2010. 350 с.

12. Самойлов Д.С. Стихотворения. СПб. : Академический проект, 2006. 800 с.
13. Кочеров С.Н. «Философия жизни» Гамлета: испытание абсолютных ценностей // Философия и культура. 2016. № 7. С. 1045–1052.
14. Слободнюк С.Л. Элементы восточной духовности в поэзии Н.С. Гумилева // Н. Гумилев: Исследования и материалы. Библиография. СПб. : Наука, 1994. С. 164–186.
15. Бенедиктов В.Г. Стихотворения. Л. : Сов. писатель, 1983. 816 с.
16. Брюсов В.Я. Собрание сочинений : в 7 т. М. : Худ. лит., 1973. Т. 1. 670 с.
17. Державин Г.Р. Полное собрание стихотворений. Л. : Сов. писатель, 1957. 469 с.
18. Гумилев Н.С. Полное собрание сочинений : в 10 т. Т. 1. Стихотворения. Поэмы (1902–1910). М. : Воскресенье, 1998. 502 с.
19. Баратынский Е.А. Полное собрание стихотворений / сост., подгот. текста и примеч. В.М. Сергеева. Л. : Сов. писатель, 1989. 464 с.
20. Волошин М.А. Лирика творчества / изд. подгот. В.А. Мануйлов и др. 2-е изд. Л. : Наука : Ленингр. отд-е, 1989. 848 с.
21. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений : в 10 т. Т. 1. Стихотворения. 1813–1820. 3-е изд. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1962. 535 с.
22. Шаламов В.Т. Собрание сочинений : в 6 т. + т. 7. Т. 3. Стихотворения / сост., подгот. текста, прим. И. Сиротинской. М. : Книжный Клуб Книговек, 2013. 512 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 11 июля 2018 г.

Ethical Reflection in a Lyric Poem

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 439, 57–65.

DOI: 10.17223/15617793/439/7

Alla V. Radionova, Smolensk State University (Smolensk, Russian Federation). E-mail: allarad1@rambler.ru

Keywords: poetry; ethic lyric-philosophical metatext; lyric credo situation.

The article is devoted to the analysis of the peculiarities of poetic texts with ethical lyric-philosophical metatext. Lyric-philosophical metatext forms part of poems as a complex of elements of thematic, motive and composition levels; it can be presented by a text or a fragment of a text with a set of typical features relating to different levels. On the thematic level, it includes minimal themes of the poem and their complexes expressed by lexemes – philosophical categories and concepts referring to lexical-semantic fields “existential” (being, existing, life, death etc.); “time” (eternity, years, days, hour, minute, moment etc.); “gnoseology” (learning, thinking, education, mind, consciousness etc.) and others. On the composition level, if a poem consists of two or more notional units, lyric-philosophical metatext is formed within the frames of life lyrical situations – notional units containing the above mentioned themes. Ethical ideas are one of the world outlook aspects of poetry. The theme of moral postulates is also traditional for Russian lyrics. The peculiarities of the poetics of the poems with ethical lyric-philosophical metatext were formed historically. In a lyric situation containing moral attitudes, it is possible to find points of intersection with one of the existing philosophical systems with a stronger existential aspect: attention is fixed on the repetitive, the eternal, the universal. Poems with ethical lyric-philosophical metatext include a number of subparadigms among which are defining poems that reveal the essence of some ethical category, and poems with a credo situation. The latter may be presented by the poem as a whole or by its composition part. The ethical position of the subject of generalization, peculiar to lyric-philosophical metatext, is defamiliarized by enumerations of philosophical concepts, methods of personification, allegory, and an open ending. A poetic credo has a number of specific features: the declarative title of the poem; the active position of the subject expressed in a willingness to act in a certain way and a call on others to act the same way; motives of self-presentation; the technique of enumeration of moral imperatives. Credo always contains a declaration of ethical attitudes – actions which the subject believes to be correct or incorrect. But the addressees of moral requirements can be different: it is either an open, unlimited audience, or the subject makes demands on oneself in autocommunication, or addresses them to a specific group of people, a specific person. Credo in the form of a dialogue also exist. The addressed credo are divided into the ones that transmit moral principles to the addressee and borrow them from the addressee. The major thematic paradigms of credo are social, personal and poet’s ones. Credo situations are found in different genres. The external form of credo situations can be used as a method of making other topics defamiliarized, for example, in love lyrics.

REFERENCES

1. Yang Yong Lang. (2006) *Evolutsiya sistemy npravstvennykh tsennostey v lirike A.S. Pushkina* [The evolution of the system of moral values in the lyrics of A.S. Pushkin]. Philology Cand. Diss. St. Petersburg.
2. Spiyvak, R.S. (1985) *Russkaya filosofskaya lirika: Problemy tipologii zhanrov* [Russian philosophical lyrics: Problems of the typology of genres]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University.
3. Sokolov, A. (1964) *Khudozhestvennyy obraz v lirike Lermontova* [Artistic image in the lyric poetry of Lermontov]. In: Fokht, U.R. (ed.) *Tvorchestvo M.Yu. Lermontova: 150 let so dnya rozhdeniya, 1814–1964* [Creative works of M.Yu. Lermontov: 150 years since his birth, 1814–1964]. Moscow: Nauka.
4. Slutskiy, B.A. (1990) *Ya istoriyu izlagayu... Kniga stikhotvoreniy* [I set out a story. A book of poems]. Moscow: Pravda.
5. Kant, I. (1965) *Osnovy metafiziki npravstvennosti* [Groundwork of the metaphysics of morals]. In: Asmus, V.F. et al. (eds) *Sochineniya v 6 t.* [Works: in 6 vols]. Translated from German. Vol. 4. Pt. 1. Moscow: Mysl’.
6. Holbach, P.A. (1963) *O bozhestve, o dokazatel'stvakh ego sushchestvovaniya, o ego atributakh, o sposobe, kakim bozhestvo vliyaet na schast'ye lyudey* [Natural Politics, or Discourse on True Principles of Management]. In: Momdzhyan, Kh.N. (ed.) *Izbrannye proizvedeniya: v 2 t.* [Selected Works: in 2 vols]. Translated from English. Vol. 1. Moscow: Sotsekgiz.
7. Holbach, P.A. (1963) *Estestvennaya politika, ili Besedy ob istinnykh printsipakh upravleniya* [Natural Politics, or Discourse on True Principles of Management]. In: Momdzhyan, Kh.N. (ed.) *Izbrannye proizvedeniya: v 2 t.* [Selected Works: in 2 vols]. Translated from English. Vol. 1. Moscow: Sotsekgiz.
8. Nietzsche, F. (1990) *K genealogii morali* [On the genealogy of morality]. In: Svas'yan, K.A. (ed.) *Sochineniya v 2 t.* [Works in 2 vols]. Translated from German. Vol. 2. Moscow: Mysl’.
9. Nietzsche, F. (1990) *Po tu storonu dobra i zla* [Beyond good and evil]. In: Svas'yan, K.A. (ed.) *Sochineniya v 2 t.* [Works in 2 vols]. Translated from German. Vol. 2. Moscow: Mysl’.
10. Menger, A. (1906) *Novoe uchenie o npravstvennosti* [New doctrine of morality]. Translated from German. St. Petersburg: Izdanie D.A. Kazitsyna i Yu.D. Filipova.
11. Fromm, E. (2010) *Chelovek dlya samogo sebya* [Man for himself]. Translated from English by E. Spirovaya. Moscow: ACT: ACT MOSKVA.
12. Samoylov, D.S. (2006) *Stikhotvoreniya* [Poems]. St. Petersburg: Akademicheskii proekt.
13. Kocherov, S.N. (2016) “Filosofiya zhizni” Gaml'ta: ispytanie absol'yutnykh tsennostey [Hamlet's “Philosophy of Life”: testing absolute values]. *Filosofiya i kul'tura – Philosophy and Culture*. 7. pp. 1045–1052. DOI: 10.7256/1999-2793.2016.7.19284

14. Slobodnyuk, S.L. (1994) Elementy vostochnoy dukhovnosti v poezii N.S. Gumileva [Elements of Eastern Spirituality in N.S. Gumilyov's Poetry]. In: El'zon, M.D. & Groznova, N.A. (eds) *N. Gumilev: Issledovaniya i materialy. Bibliografiya* [N. Gumilyov: Research and materials. Bibliography]. St. Petersburg: Nauka.
15. Benediktov, V.G. (1983) *Stikhotvoreniya* [Poems]. Leningrad: Sov. pisatel'.
16. Bryusov, V.Ya. (1973) *Sobranie sochineniy: v 7 t.* [Collected Works: in 7 vols]. Vol. 1. Moscow: Khud. lit.
17. Derzhavin, G.R. (1957) *Polnoe sobranie stikhotvoreniy* [Complete collection of poems]. Leningrad: Sov. pisatel'.
18. Gumilyov, N.S. (1998) *Polnoe sobranie sochineniy: v 10 t.* [Complete Works: in 10 vols]. Vol. 1. Moscow: Voskresen'e.
19. Baratynskiy, E.A. (1989) *Polnoe sobranie stikhotvoreniy* [Complete collection of poems]. Leningrad: Sov. pisatel'.
20. Voloshin, M.A. (1989) *Liki tvorchestva* [Faces of creativity]. 2nd ed. Leningrad: Nauka.
21. Pushkin, A.S. (1962) *Polnoe sobranie sochineniy: v 10 t.* [Complete Works: in 10 vols]. Vol. 1. 3rd ed. Moscow: USSR AS.
22. Shalamov, V.T. (2013) *Sobranie sochineniy: v 6 t. + t. 7* [Collected Works: in 6 vols + Vol. 7]. Vol. 3. Moscow: Knizhnyy Klub Knigovek.

Received: 11 July 2018